

ГЛАВА ПЕРВАЯ

За несколько недель до Дня благодарения в нашу группу по пилатесу заявила Хелен Уэстинг — та самая, с которой мой муж — ныне бывший — закрутил роман и сделал ребенка. Нет, еще раз: за несколько недель до Дня благодарения в нашу группу по пилатесу заявила Хелен Уэстинг — та самая, с которой мой муж — ныне бывший — закрутил роман и сделал ребенка. А я пришла раньше ее и уже лежала на спине. Ну точно как в жизни.

Можете себе представить, каково мне пришлось.

Моя тренерша как раз хвалила мои денежные носки — черные с зелеными долларowymi символами, — когда открылась дверь. Носки эти с долларами я купила специально, чтобы деньги знали, что здесь их любят и ждут, потому что с самого развода, а это было три года назад, денег мне постоянно не хватало.

— Классные носки, Нора, — сказала стоявшая на коврик Келли и одним плавным движением села скрестив ноги — потрясающее зрелище, особенно если учесть, что центр тяжести у нее успел изрядно сместиться. Она дохаживала шестой месяц и буквально светилась от гормонов беременности. Даже стянутые в высокий хвост смоляные волосы сияли словно нимб. Хвост весело подпрыгнул — Келли повернулась к двери и прочирикала в микрофон на гарнитуре: — Здравствуйте! Это ведь вы вчера, наверное, звонили? Хелен, верно?

Я так и ахнула, но вовремя закашлялась, а Хелен тем временем прошла совсем близко, и я уловила исходивший от нее запах: «Жасмин» от L'Occitane, духи, которые когда-то носила я сама. На миг приостановившись, она посмотрела на меня в упор, фыркнула, улыбнулась Келли и пошла дальше.

— Простите за опоздание. Не рассчитала время на дорогу.

Если мое присутствие и доставляло Хелен какое-то неудобство, виду она не подала. Она невозмутимо развернула коврик и принялась послушно исполнять команды Келли, старательно отдаваясь процессу. Однако меня ее приход буквально потряс, и я едва могла сосредоточиться на занятии. Нахлынули мучительные воспоминания о временах, когда Хью начал мне изменять. Светлые волосы на моей подушке. Светлые? Скомканные кружевные трусики алого цвета под моим туалетным столиком. Алого. Как перевернулось все у меня внутри, когда я поняла, что Хью совсем потерял голову и увлекся до того, что уложил свою золотоволосую любовницу в нашу постель и так отделаал, что она ушла домой без трусов.

Теперь-то я понимала, что звоночки были. Хью бегал налево, я могла это заметить. Он уехал в Филадельфию вести семинар по живописи, а когда вернулся, я нашла в почтовом ящике открытку — «Олимпия» Мане, обнаженная дева на ложе. На обороте — ни адреса, ни подписи, только номер телефона и два слова: «Позвони мне». Хью уверял, что понятия не имеет, кто это прислал. Открытку выбросил. Но я стала присматриваться. Он вел себя совершенно как прежде. Он больше не ездил в Филадельфию. Он вообще не делал ничего такого. И я убедила себя, что он не перешел черту. Однако я стала постоянно замечать, как ловят каждое его слово девицы на вечеринках и разнообразных официальных открытиях, как смотрят на него затуманенными глазами. В точности как я в свои двадцать пять, когда отправилась в Челси на выставку его картин.

«Хью Уокер: Портреты Нью-Йорка». Так называлась его выставка. К тому времени Хью уже был на полпути к вершине. В галерее я ознакомилась с его биографией: ему сорок три года, он родом из Виргинии и уже выставлялся в Музее современного искусства. Портреты, выставленные на этот раз, представляли собой его собственные отражения в витринах самых богатых и самых бедных районов Нью-Йорка, от Трайбеки до Восточного Гарлема. Они были написаны маслом и покрыты разными лаками, отчего слегка расплывались и словно бы светились изнутри. Я решила, что они великолепны.

Насмотревшись на картины, я узнала Хью в тот самый миг, когда он вошел в галерею. Он был высок и небрежен, в брюках цвета хаки и белой оксфордской рубашке с закатанными рукавами. Послав мне очаровательную кривоватую улыбку, он подошел к стойке и заговорил с персоналом, а мне вдруг стало очень жаль, что я не догадалась надеть джинсы посексуальнее. Волосы у него были темные, вьющиеся, глаза — карие, и в этом своем наряде он был вылитый Джек Керуак с рекламного плаката Гар под слоганом «Керуак носил хаки».

Поговорив с девушкой у стойки, он направился прямо ко мне. Сердце мое лихорадочно застучало. Он представился, — акцент у него был южный, тягучий, как мед, — и протянул мне руку. Когда наши ладони соприкоснулись, в груди у меня что-то вздрогнуло.

— Здравствуйте. Я Хью Уокер. А вы?..

— Нора Глассер.

— Позвольте спросить, что вы думаете об этих картинах, Нора Глассер?

— Они красивые и непростые. Одухотворенные и в то же время злободневные, — ответила я и тут же, поддавшись дерзкому порыву, добавила: — Но есть и плохая новость.

— Какая же?

— Они как будто слегка не в фокусе.

Не моргнув глазом Хью принял самый серьезный вид, нахмурился и кивнул:

— Да, действительно. Боюсь, все дело в моих экспериментах. Видите ли, во время работы над картинами я закладывал в глаза вазелин.

— Вы шутите, правда?

Он подмигнул и вновь улыбнулся своей неотразимой улыбкой.

— Как и вы.

Я таяла от вспыхнувшего между нами жара.

Когда мы начали спать вместе, Хью стал рисовать меня. После того как он выставил в Нью-Йорке «Серию с Норой», его карьера резко пошла вверх. Он называл меня своей музой.

— Ты моя иудейка, темная и великолепная, — говорил он.

Мне никто больше не был нужен. Больше десяти лет голос Хью был первым, что я слышала, просыпаясь, и последним — перед сном. Мы были страстной парой. По ночам мы говорили обо всем на свете — в постели, ноги переплетены.

— Начинай ты, — настаивал он. — Расскажи мне все.

Порой я признавалась, что мне не нравится, когда с Хью напропалую флиртуют незнакомые девицы, а он заверял меня, что мне не о чем волноваться. Он даже цитировал знаменитые слова Пола Ньюмана о верности: «Зачем кидаться на гамбургеры, когда дома меня ждет первоклассный стейк?»

Мы вернулись из Рима — из отпуска, куда поехали, чтобы оправиться после второго неудачного ЭКО, — и через неделю после этого у нас в спальне образовалась гремучая смесь из алых трусиков и светлых волос. Это повергло меня в такую депрессию, что следующие четыре дня я только и делала, что спала. Но наконец я восстала, подобно Лазарю, и поплелась в кухню, чтобы дать Хью возможность еще раз разразиться

объяснениями, что это было «просто увлечение» и что ему «нужна только я». Оказалось, что с этой девушкой — аспиранткой школы искусств — он познакомился на открытии галереи в Остине.

— Она зашла в гости, когда ты ездила к своей тете. Она на неделю приехала в Нью-Йорк и спросила, нельзя ли ей посмотреть мою новую работу, — сказал он. — Она принесла вино. Я выпил слишком много. Я уже ничего не понимал, и тут она... Прости меня. Пожалуйста, только не разбивай то, что нас связывает. Прошу тебя. Она мне безразлична. Совершенно безразлична.

Мне хотелось верить, что мы справимся. «Пожалуйста, только не разбивай то, что нас связывает». Я читала книги о том, как справиться с травмой после измены партнера. «Не ждите чудес». «Восстанавливать доверие вам придется долго». «Что бы ни произошло, не выспрашивайте подробности», — советовали книги. Во время наших долгих жарких бесед с Хью я старательно обходила эти ловушки. «Его подкосили наши неудачи с ребенком», — рассудительно говорила себе я, и чувствовала, что понемногу начинаю его прощать. Однако спустя шесть месяцев, обшаривая его студию в поисках пропавшего ножа для снятия цедры (Хью вечно таскал из кухни все подряд, чтобы придать краске новую интересную текстуру), я поняла, что надежды больше нет.

За антикварной японской ширмой, скрывавшей стальную раковину в пятнах краски, я нашла стоящее у стены полотно. Это было явное подражание знаменитой фотографии Энни Лейбовиц на обложке альбома «Роллинг Стоунз» — той самой, где обнаженный Джон Леннон в позе зародыша обнимает одетую Йоко. На этом полотне обнажен был Хью. А обнимал он Хелен с круглым беременным животом.

Не в силах дышать, я смотрела на картину. Мое тело рухну-

ло на пол и скорчилось в позе зародыша. «Этого не исправить. От этого мы уже не оправимся. Он пырнул меня ножом в живот, и я истекаю кровью. Это смерть». Потом я услышала звук открывающейся двери, за спиной проскрипели половицы.

— Я не хотел этого.

— Зато я хотела ребенка. Это был мой ребенок. Ты разбил нашу семью. Ты разбил мне сердце.

В тот день, в студии Хью я дала себе молчаливую клятву: «Я вернусь к жизни, сколько бы времени на это ни ушло, и никогда не ожесточусь и не озлоблюсь».

Пообещать проще, чем сделать. Меня мучили жестокие фантазии, в которых я садилась в автомобиль и сбивала Хью и Хелен. Потом я являлась в широком гангстерском пальто по моде сороковых, доставала из кармана пистолет и вышибала из них дух прямо в постели, *in flagrante delicto*¹, чувствуя удовлетворение от столь разрушительной мести. Я снова и снова проигрывала в воображении эту картину. Мне было так плохо, что я начала посещать психотерапевта. Доктор Фельд единственный, кроме Хью (и, возможно, Хелен, если Хью ей рассказывал), знал, что без кровопролития действительно не обошлось.

— Постарайтесь подробно рассказать о случившемся, — попросил доктор Фельд во время нашей первой встречи, строго на меня глядя, и занес ручку над желтым линованным блокнотом.

— Я попыталась уничтожить работу Хью. В прямом смысле слова.

— Когда это произошло?

— После того как я увидела эту картину в студии. Сначала

¹ На месте преступления (*лат.*).